

А. А. Казанцев

ПРОБЛЕМА РОСТА ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Казанцев Андрей Анатольевич, д-р полит. наук,
директор Аналитического центра
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: andrka@mail.ru

Аннотация

В работе анализируется проблема роста исламского радикализма в центральноазиатских государствах. Отмечается, что ислам как религиозное течение стал распространяться на территории Центральной Азии в конце VII – начале VIII вв. При этом просматривалось достаточно четкое различие между сильно исламизированными оседлыми народами (узбеками, таджиками) и слабо исламизированными кочевыми народами (казахами, киргизами, туркменами) и обращается внимание на то, что это деление актуально до сих пор. Говорится о том, что возрождение политического ислама в наиболее активной форме началось во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. во время перестройки и продолжается по настоящее время. Рассматривается, как этот процесс происходит в отдельных странах Центральной Азии. В конце работы даются выводы и рекомендации.

Ключевые слова: Центральная Азия, исламский радикализм, политический ислам, процессы возрождения ислама, экстремистские группировки.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ 15-37-14016 «Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии».

Резкое обострение ситуации на севере Афганистана, не в последнюю очередь связанное с ростом влияния на севере этой страны запрещенного в России террористического «Исламского государства» («ИГ»), обострение террористической угрозы на всем постсоветском пространстве в связи с боевыми действиями в Сирии и тяжелая экономическая и связанная с ней внутривнутриполитическая ситуация во многих постсоветских странах Центральной Азии делают чрезвычайно актуальной проблему роста религиозного экстремизма в странах региона¹.

Как отмечают многие эксперты, ни один из правящих режимов рассматриваемого региона (за частичным исключением Казахстана и Туркмении) пока не смог в достаточной степени использовать религиозный фактор для усиления своего авторитета в обществе, а в ряде стран этот фактор выступает в качестве основного (в Узбекистане и Таджикистане) или важного (в Киргизии, на юге Казахстана) источника дестабилизации². В регионе наблюдается рост противостояния различных экстремистских вариантов ислама и государств, что вызвано достаточно сложной совокупностью идеологических, политических и экономических причин, в том числе связанных с самой природой «гибридных» постсоветских режимов [6]. Государства региона, в лице правящих классов, активно поддерживают политически приемлемые для них формы мусульманской религии, пытаясь таким образом создать национальные формы ислама, легитимирующие существующие политические системы [8, с. 84–90]. Задача успешной «национализации ислама» усложняется тем, что на существующую постсоветскую модель государственного устройства влияет противоречивый конгломерат унаследованных командно-административ-

¹ Гусев Л. Ю. Борьба Центральноазиатских государств с угрозой исламизма // Новое восточное обозрение. Интернет-журнал. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/118337>

² Будкин В. С. Государство и религия на постсоветском пространстве. URL: <http://gua.convdocs.org/docs/584/index-26252.html>

ных, возрожденных традиционных, исламских и даже европеизированных (в значительной степени имитационных, с оглядкой на необходимость добиться признания со стороны Запада) элементов³. Чрезвычайно сложная внешнеполитическая ситуация, сложившаяся в Центральной Азии в постсоветский период, также существенно ограничивает «свободу маневра» новых независимых государств [1; 7, с. 78–88].

Ислам как религиозное течение стал распространяться на территории Центральной Азии в конце VII – начале VIII вв. Этот процесс длился несколько столетий, и в итоге ислам стал государственной религией многих среднеазиатских стран. При этом все гражданские, уголовные, семейные законы действовали на основе мусульманского права (шариата) или связанного с ним обычного права (адата). При этом просматривалось достаточно четкое различие между сильно исламизированными оседлыми народами (узбеками, таджиками) и слабо исламизированными кочевыми народами (казахами, киргизами, туркменами). *Это деление актуально до сих пор, так как проблема религиозного экстремизма наиболее остро стоит в странах оседлой традиции, а также в регионах компактного проживания оседлого населения в странах кочевой традиции (Южный Казахстан, Южный Кыргызстан). К сожалению, в последние годы началось проникновение радикального ислама и в регионы традиционно кочевой культуры (Туркмения и Западный Казахстан).*

Необходимо подчеркнуть, что у стран Центральной Азии есть и позитивный исторический опыт успешной модернизации исламской идеологии, который вполне может быть заимствован в современных условиях. Во второй половине – конце XIX в. в Центральной Азии, как и в Поволжье, получило распространение либерально-реформаторское течение в исламе – джадидизм. Данные регионы исламского мира тогда были передовыми в плане распространения соответствующих идей. Первыми исламскими политическими реформаторами в Средней Азии и Афганистане были Джамолитдин Афгани (1842–1899) и Ахмади Дониш (1820–1880). Как пишет таджикский ученый и политический деятель Давлат Усмон: «Под влиянием Европы в мусульманском мире в конце XIX – начале XX вв. стала обосновываться идея отделения религии от государства и от политики. В течение десятилетий, особенно после второй мировой войны, правители новых, возникших независимых мусульманских стран энергично оттесняли от власти религиозные группы. Тем не менее идея единства ислама и политики была и остается одной из основ политической культуры мусульманского мира» [16]. После установления Советской власти местные религиозные деятели были отстранены от какого-либо принятия решений в политической сфере, хотя ислам, как и другие религии, часто использовался в пропагандистских целях во внешней политике.

Возрождение политического ислама в наиболее активной форме началось во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. во время перестройки. Например, в 1990 г. в Астрахани была создана Исламская партия возрождения СССР. В последующие годы развитие ислама в странах Центральной Азии получило «взрывной» характер. Почему это произошло? Исследователь из Лондонского Королевского Института международных отношений Анна Матвеева отмечает: «После распада СССР в евразийском обществе образовался духовный вакуум. Политические бури и неопределенность 1990-х гг., материальные лишения и потеря предыдущего статуса сделали жизнь обыкновенных граждан чрезвычайно тяжелой, а их эмоциональный мир был ввергнут в состояние смуты. В этих условиях, чтобы найти успокоение и жизненную ориентацию, люди стали обращаться к традиционным символам и ритуалам. Обращение к исламу дало ощущение устойчивости» [13].

В связи с тем, что процессы возрождения ислама носят специфический характер в каждой из центральноазиатских стран, далее опыт каждого из государств Центральной Азии будет рассмотрен отдельно.

Таджикистан

Противоречия между государством, поддерживающим свою версию мусульманской религии, и радикальным направлением внутри ислама наиболее остры в настоящее время в Таджикистане, что вызвано как сложной социально-экономической ситуацией (сокращение трудовой миграции в Россию привело к резкому усилению экономического кризиса), так и особенностями политики, проводимой республиканскими властями.

³ Будкин В. С. Государство и религия на постсоветском пространстве. URL: <http://gua.convdocs.org/docs/584/index-26252.html>

Подавляющее большинство населения Таджикистана (95–99 %) составляют сунниты ханафитского мазхаба. Особенностью Таджикистана является то, что этой правовой школе в исламе с 2 апреля 2009 г. придан официальный статус. До недавнего времени (о кампании по закрытию мечетей см. ниже) в стране действовало около 3 000 мечетей, из которых 259 являлись соборными. Официально зарегистрированы и действуют 19 медресе (мусульманских религиозно-образовательных учреждений) [6, с. 116–122]⁴. В Горном Бадахшане проживает исмаилитское религиозное меньшинство, история которого уходит своими корнями в X–XI вв. (подробнее см. [14]). В 2009 г. центр исмаилитов был открыт и в столице страны⁵.

В позднесоветский период процессы «исламского возрождения» из всех советских среднеазиатских республик наиболее активно протекали именно в Таджикистане. Первая мусульманская организация нелегально начала там действовать в 1974 г. Она называлась «Мусульманская молодежная организация» и была создана Саидом Абдулло Нури, который впоследствии возглавил таджикскую объединенную оппозицию (ОТО). В период перестройки исламистские движения активно сотрудничали с демократическими силами на антикоммунистической основе. Усилиями «странного» альянса демократов и исламистов (имевшего, кроме всего прочего, клановую подоплеку) был отстранён от власти президент Набиев. Многие эксперты видят в этом и первопричину возникновения в Таджикистане гражданской войны в начале 1990-х гг. [16]. Хотя эта война имела очевидную клановую основу, однако по ходу боевых действий противоборствующими сторонами активно использовалась «религиозная» и «светская» аргументация.

После завершения гражданской войны в Таджикистане исламской оппозиции была предоставлена возможность участвовать в политических процессах в стране (она получила в структурах власти треть мест). Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) заняла своё место на политическом поле. Однако определенная часть сторонников ПИВТ сочла её сотрудничество с официальными властями Таджикистана отходом от идей партии и порвала с ней. Разочарованные в её деятельности стали пополнять ряды более радикальных организаций, таких как движение «Салафия».

Официальная политика Таджикистана в вопросах отношений с религией не была последовательной. Победивший под лозунгами «светскости» Э. Рахмонов (ныне – Рахмон) инициировал создание новой идеологии, основанной на идее возрождения таджикской культуры и государственности времен правления династии Саманидов. Возрождение ислама было одним из естественных элементов этого процесса. Затем, в определенные периоды, в том числе вследствие активных финансовых вливаний из Катара и других арабских стран, власти Таджикистана проявляли определенную терпимость даже к исламу салафитского толка. Однако в дальнейшем, под влиянием роста угроз религиозного экстремизма, в том числе в связи с событиями в соседнем Афганистане, постепенно была взята линия на проведение в религиозном вопросе более жесткой политики.

Стремясь взять ситуацию с нарастающей исламизацией под контроль, правительство Таджикистана объявило 2009 г. «Годом Великого Имама». В этой связи власть акцентировала тезис о том, что таджики исторически являются последователями ханафизма, самой либеральной правовой школы суннитского ислама. Эта политика направлена против попыток внедрения в таджикский ислам представлений, взятых у других, более радикальных исламских правовых школ, особенно тех из них, которые распространены на арабском Востоке⁶. Однако кампания государственных СМИ и правоохранительных органов против тех, кто «злоупотребляет религией» (прокуратурой используется формулировка «суиистифода аз дин», что примерно можно перевести как «использование религии в своей личной и политической борьбе») встретила критику со стороны оппозиционных сил. Оппоненты властей высказывали мнение, что жесткое отношение к религии и религиозным деятелям может привести к дополнительной радикализации общества⁷.

Постепенно меры правительства по контролю религии стали ужесточаться. Так, в 2011 г. президент Таджикистана Э. Рахмон подписал неоднозначно воспринятый населением закон «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей», согласно которому родители

⁴ В горах Таджикистана закрыли 28 мечетей. URL: <http://lenta.ru/news/2010/11/19/mosque/>

⁵ В Душанбе открылся Культурный центр исмаилитов. URL: <http://www.avesta.tj/index.php?newsid=2592>

⁶ Гусев Л. Ю. Борьба Центральноазиатских государств с угрозой исламизма // Новое восточное обозрение. Интернет-журнал. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/118337>

⁷ Национальный секуляризм – государство и религия. URL: <http://nm.tj/society/24027-nacionalnyy-sekulyarizm-gosudarstvo-i-religiya.html>

обязаны пресекать участие несовершеннолетних в официально несанкционированной религиозной деятельности⁸. Кроме того, парламент внес изменения и дополнения в кодекс «Об административных правонарушениях», согласно которому за несоблюдение правил получения высшего религиозного образования за рубежом граждане могут быть оштрафованы на сумму от 2 до 4 тыс. сомони (360–720 долл. США). В соответствии с новыми дополнениями граждане Таджикистана могли обучаться в зарубежных теологических вузах только после получения образования в Исламском институте Таджикистана и при наличии письменного разрешения Министерства образования и комитета по делам религии⁹.

В 2014–2015 гг. была проведена еще более жесткая кампания по борьбе с «религиозным экстремизмом», которая, по мнению критиков, характеризовалась рядом злоупотреблений. В частности, представители правительства (зачастую не слишком компетентные в вопросах религии) присутствовали на проповедях в мечетях и там, где проповеди были сочтены излишне радикальными, мечети закрывались (помещения чаще всего передавались различным культурным центрам). Всего было закрыто порядка 2 000 мечетей, в том числе 136 в одном только районе Абдурахмани Джоми Хатлонской области на юге Таджикистана. Во всех городских центрах жесткие меры предпринимались по обеспечению антирелигиозного «дресс-кода»: административной кодификации подверглись одежда, например: ношение женщинами платков, ношение бород мужчинами и т. п. Осенью 2015 г. даже началась кампания по борьбе с женщинами-проповедницами, так как их деятельность также была сочтена способствующей распространению экстремизма.

Одновременно наблюдается ускорение радикализации в обществе, в частности, затронувшее и правоохранительные органы. Наиболее вопиющим фактом стало дезертирство и уход в «Исламское государство» в Сирии и Ираке полковника ОМОН Гулмурода Халимова в 2015 г. В настоящее время (как показывает, в частности, проведенный одним из сотрудников АЦ ИМИ МГИМО лингвистический анализ заявлений в Интернете таджикских боевиков, воюющих в Сирии и Ираке,) среди них преобладают выходцы из Кулябского региона. Это — чрезвычайно важное обстоятельство. Оно является одним из показателей того, что в последнее время отмечается резкое падение популярности Рахмона даже в Кулябе, где существующая власть традиционно имела основную опору. Частично это связано с тем, что сузилась база поддержки президента, так как ресурсов в стране уже давно не хватает на поддержание лояльности всего так называемого «кулябского клана», в результате чего состав правящего клана постепенно сокращается до собственной семьи Рахмона. При этом в Афганистане среди боевиков по-прежнему представлены в основном выходцы с востока (Раштского региона) страны (именно они составляли одну из основных опор Объединенной таджикской оппозиции во время гражданской войны). Следует отметить, что и в другом традиционном очаге антиправительственных настроений, на Памире (особенно в Хоробе) центральная власть до сих пор не установила полный контроль. Таким образом, ситуация со степенью контроля центральной власти над территорией страны имеет тенденцию к ухудшению.

Реагируя на описанные выше тенденции, правительство начало еще более жесткую кампанию по борьбе с влиянием в стране радикального исламизма в целом и «Исламского государства» в частности. При этом в силу логики «клановой политики» (борьба за ресурсы, связанные с доступом к власти) основной удар пришелся на оппозиционную Партию Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Президент Таджикистана давно ведет линию на вытеснение ПИВТ и других оппозиционных партий из всех структур власти. В начале марта 2015 г. в стране прошли парламентские выборы. По их результатам правящая Народная демократическая партия, возглавляемая президентом республики Эмомали Рахмоном, заняла 81 % кресел в нижней палате парламента¹⁰. В парламент не попали две ключевые оппозиционные партии — Коммунистическая (в новом составе парламента представлены два коммуниста-одномандатника, однако руководство Коммунистической партии не признает их своими членами¹¹) и ПИВТ. В связи с этим лидер ПИВТ Мухиддин Кабири заявил, что Политсовет возглавляемой им партии считает прошедшие выборы несвободными и непрозрачными. Несмотря на непризнание итогов

⁸ Национальный секуляризм — государство и религия. URL: <http://nm.tj/society/24027-nacionalnyy-sekulyarizm-gosudarstvo-i-religiya.html>

⁹ Там же.

¹⁰ Итоги выборов в парламент Таджикистана: правящая партия получила 81 % мандатов. URL: <http://www.ca-news.org/news:1142607>

¹¹ Там же.

выборов, лидер ПИВТ подчеркнул, что он и его однопартийцы являются сторонниками мира и стабильности в обществе¹².

Многие эксперты в связи с этим считают, что правительство нарушает принципы Московского соглашения, подписание которого позволило закончить гражданскую войну в Таджикистане. Более того, большинство специалистов, в том числе в России, полагают, что вытеснение ПИВТ из структур власти может способствовать дестабилизации ситуации. ПИВТ относится по своей идеологии к «умеренному исламу», ее основные крылья связаны не с запрещенным в России «Исламским государством», а с Ираном и Турцией, и поэтому власти явно «перегибают» в борьбе с религиозным радикализмом. Идеология ПИВТ связана с традициями местного, таджикского ислама. В этом плане партия противостояла религиозному универсализму «ваххабизма» и «салафизма», которые в настоящее время находят свое наиболее злое выражение в пропаганде в Таджикистане идеологии «ИГ». Поэтому запрещение ПИВТ является закрытием своего рода «предохранительного клапана», который препятствовал дальнейшей религиозной радикализации таджикского общества.

Тем не менее 28 августа 2015 г. Министерство юстиции Таджикистана потребовало от руководства ПИВТ прекратить незаконную деятельность, а 31 августа и вовсе запретило эту партию. ПИВТ обвиняется в связях с «ИГ», пропаганде экстремистских идей и дестабилизации общественно-политической ситуации в республике¹³.

В дальнейшем процесс запрета партии был также связан с имевшим место осенью 2015 г. военным мятежом, который возглавил заместитель министра обороны генерал-майор Абдухалим Назарзода. После мятежа для формального запрета ПИВТ было использовано то обстоятельство, что Назарзода является членом партии, а в годы гражданской войны он был полевым командиром объединенной таджикской оппозиции. Правда, сама ПИВТ утверждает, что ее структуры к мятежу причастны не были. В сентябре – октябре 2015 г. прошли массовые аресты лидеров ПИВТ, а от рядовых членов ПИВТ потребовали добровольно отказаться от членства в партии. При этом, как показывает информация, озвучиваемая, в том числе, в выступлениях представителей Центра стратегических исследований при президенте Таджикистана, до 30 % жителей Таджикистана не верят в обвинения, выдвигаемые против ПИВТ, тогда как две трети, по тем же данным, поддерживают официальную позицию. Тем не менее сам факт того, что запрет ПИВТ вызвал сомнения у примерно трети жителей страны, говорит о том, что определенная социальная база у партии сохранилась. Кроме того, за ПИВТ традиционно голосовали многие трудовые мигранты, работавшие в России, а эти люди в больших количествах возвращаются домой из-за кризиса. Теперь эта социальная база может стать объектом пропаганды представителей самых радикальных направлений ислама, включая ИГ.

Запрет ПИВТ и жесткие репрессии против духовенства (особенно закрытие мечетей) в условиях резкого обострения социально-экономической ситуации в стране могут, как считают многие эксперты, спровоцировать массу безработной и неимущей молодежи, скопившейся в стране (в том числе из-за экономического кризиса в России, «ударившего» по трудовой миграции), встать на путь радикализации. Это неизбежно приведет к резкому усилению деятельности исламистского подполья в Таджикистане.

Среди факторов, способствующих исламизации таджикского населения, часто называют низкий авторитет официально признанных религиозных деятелей в современном таджикском обществе, отсутствие в стране системы получения качественного и всестороннего религиозного образования. Не стоит забывать и о социальной напряженности, бедности общества и высокой коррупции в органах власти, что также подталкивает граждан все чаще обращаться к религии, как к «источнику правды и справедливости»¹⁴.

Ряд экспертов отмечает, что радикализация таджикского общества – не что иное, как реакция на так называемый «светский фундаментализм рахмоновского режима». При этом подчеркивается, что «чем хуже жизнь таджикстанцев, тем быстрее идет исламизация, чем несправедливее суды, тем чаще люди идут в мечети, чем больше коррупция, взяточничество, тем больше народ ищет идейную альтернативу в исламе»¹⁵.

¹² БДИПЧ/ОБСЕ узнала мнение ПИВТ о прошедших выборах. URL: <http://news.tj/ru/node/204441>

¹³ Запрещая ПИВТ, руководство Таджикистана перестраховывается. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=27290>

¹⁴ Ибодов П. Таджикистан превращается в исламистское государство URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1426227060>

¹⁵ Там же.

Ещё один важный момент, на который указывают аналитики, состоит в том, что новое поколение исламистов Таджикистана, относящееся к салафитам, «ваххабитам» и близкое по идеологии к «ИГ», вообще отрицает понятие «нация» и национальные традиции. Интенсивное влияние салафитов на сознание молодого поколения привело к тому, что часть молодежи уже не приемлет исторические национальные праздники, например «Навруз». Эта часть таджикского населения требует соблюдать только общеисламские праздники. Низкий общественный авторитет официального духовенства привел к тому, что появляются неофициальные религиозные лидеры из числа представителей молодежи, получившей образование в клерикальных центрах арабских стран и Пакистана. Они отличаются повышенным фанатизмом и весьма успешно вовлекают в свои ряды молодых сторонников¹⁶. Именно эти люди объективно составляют социальную базу для возможного проникновения в Таджикистан ИГ.

Для борьбы с религиозным экстремизмом в молодежной среде в стране была создана новая молодежная организация «Авангард» (лидер организации Аслиддин Хушбахтзода). Ее главная задача – предотвратить присоединение молодежи к группировке ИГ¹⁷. В августе 2015 г. была проведена акция под девизом «Нет терроризму!» среди 1 500 молодых ребят Согдийской области, организованная молодежным крылом правящей Народно-демократической партии Таджикистана «Созандагони Ватан». Комитет по делам молодежи, спорту и туризму вместе с местными властями проводит встречи с молодежью во всех регионах страны¹⁸. *Однако можно предположить, что в условиях острого социально-экономического кризиса, массового недовольства населения коррупцией и закрытия естественных «клапанов» выхода недовольства в виде политической деятельности умеренных исламистов описанные выше меры не смогут радикально улучшить ситуацию.*

В целом можно констатировать, что власти Таджикистана постепенно теряют контроль над религиозной ситуацией в стране. События конца августа – начала сентября 2015 г. это только подтверждают. *В этой связи Таджикистан можно отнести к тем странам региона, где внутренняя ситуация наиболее близка к выходу из-под контроля властей.* Первопричиной этого является нарастание исламского радикализма, который уже начал переходить в фазу террористических действий. *Особую опасность отмеченные тенденции представляют ввиду соседства Таджикистана с нестабильным Афганистаном, где на примерно 60 % приграничных территорий идут бои правительственных сил с талибами и другими радикальными исламистскими группировками. При этом ситуация с охраной границы очень плохая, контроль над ней во многих местах практически отсутствует.*

Киргизия

Киргизия, наряду с Таджикистаном, является одним из государств, в наибольшей степени подвергающихся угрозе со стороны религиозного экстремизма. К числу причин этого можно отнести, прежде всего, тяжелую социально-экономическую ситуацию, ослабленность силовых структур республики после двух революций, существование серьезного кланового противостояния по линии «север – юг» (север отличается существенно меньшим влиянием ислама в силу большего влияния кочевых традиций и советской модернизации), наличие глубокого межэтнического конфликта на юге страны (противостояние киргизского большинства и узбекского меньшинства там имеет религиозный аспект в силу большей традиционной религиозности узбеков).

На начало 2012 г. в Киргизии было зарегистрировано около 2 300 религиозных организаций, образовательных учреждений и объектов религиозного культа. Наибольшее количество из них относится к мусульманским (83 %) и христианским (15 %). Ислам суннитского толка наиболее распространен в южных областях и в сельской местности по всей стране. На севере Киргизии (даже среди коренных киргизов), помимо ислама, популярны также христианство и другие религии. Это связано с тем, что процесс исламизации кочевой, северной части страны не был завершён в период до установления советской власти. Всего в стране распространено более 30 вероучений. В Киргизии действуют 10 мусульманских высших учебных заведений, а также 62

¹⁶ В обществе появляются неофициальные религиозные лидеры из числа представителей молодежи, получившей образование в клерикальных центрах Ирана, Пакистана и Египта. URL: <http://tajmigrant.com/category/narod>

¹⁷ Берлек – единство Таджикистана – молодежь выступает против ИГ. URL: <http://berlek-nkp.com/tadzhikistan/4660-cgi-berlek-edinstvo-tadzhikskaya-molodezh-vystupaet-protiv-igil.html>

¹⁸ Там же.

мусульманских духовных образовательных учреждений, не относящихся к высшему теологическому образованию.

Деятельность религиозных организаций регулируется Законом «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» в его последней редакции от 2008 г. Структурным подразделением исполнительной власти по контролю над духовной сферой является Государственная комиссия по делам религии.

В силу того, что Киргизия как самое демократичное государство в постсоветской Центральной Азии была наиболее открыта для внешних влияний, религиозная сфера в стране сильнее, чем в других государствах региона, подвержена влиянию ряда негативных религиозно-политических трендов. В стране активно действуют различные группы салафитов и исламских джихадистов, формируются разного рода «джаммааты», включая чрезвычайно экстремистские направления ислама. Наблюдается социально-политическая активность верующей молодежи, окончившей исламские зарубежные вузы Турции, Иордании, Ливии, Сирии, Египта и т. п. и не востребованной в жизни исламских общин страны¹⁹.

Государство всячески пытается противостоять радикальным религиозным организациям. Так, в феврале 2014 г. президент Киргизии А. Атамбаев, выступая на заседании Совета обороны республики, посвященном государственной политике в религиозной сфере, отметил, что в настоящее время отдельные представители мусульман путают культуру арабов, народов Бангладеш и Пакистана с исламской религией. Он указал на то, что: «Они игнорируют нашу исконную народную культуру и навязывают людям другую культуру. На наших улицах сейчас много тех, кто отрастил бороды и носит дамбалы (штаны). Вместо открытых, красочных нарядов навязывают нашим девушкам черное, такое у нас обычно носят овдовевшие женщины. Безусловно, мы мусульмане, это религия наших предков, но в то же время мы, прежде всего, киргизы! Не надо это забывать!»²⁰. Он также добавил, что «государство и представители власти имеют полное право вмешиваться в религиозную сферу, в деятельность органов духовенства. Если посмотреть на некоторые мусульманские страны, политики используют религию в своих целях, превратили религию в политическое оружие. На примере Афганистана, Ирака, Египта, Сирии можно увидеть то, что происходит в государстве, когда духовенство вмешивается в политику. В этих странах народ разделен на два лагеря, и идет гражданская война. И в Киргизии отдельные политики в связке с духовными служащими стремятся смешать религию с политикой. Это очень опасно. Нельзя допускать подобных политических игр»²¹.

В связи с этим президентом страны 17 ноября 2014 г. был подписан указ об утверждении новой концепции религиозной политики Киргизии на 2014–2020 гг. В ней предусмотрены основные приоритеты государственной политики, такие как: обеспечение свободы совести и вероисповедания; формирование киргизской модели светского государства; установление границ деятельности религиозных организаций (предупреждение нарушения прав и свобод других граждан, недопущение политизации религии); определение сферы вмешательства государства с целью регулирования религиозной сферы (ограничение вмешательства во внутриконфессиональную деятельность); предупреждение и профилактика религиозной радикализации граждан и предотвращение экстремистской и террористической деятельности на религиозной почве в Киргизии; политика по поддержке умеренного ислама с целью предупреждения радикализации в религиозной сфере; повышение религиозно-грамотности и уровня религиозного образования; повышение экспертного и аналитического потенциала для мониторинга религиозной ситуации²².

С целью усиления контроля государства над религиозной сферой в январе 2014 г. главой Госкомитета по делам религий при президенте Киргизии был назначен Орозбек Молдалиев, офицер спецслужб, аналитик, много лет занимающийся вопросами отношений государства и религий²³. В настоящее время киргизские спецслужбы высказывают серьезные опасения по по-

¹⁹ Вопросы религиозно-этнического взаимодействия // Интернет-портал «Время Востока». URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/voprosy-religiozno-etnicheskogo-vzaimodeistviya/4458>

²⁰ Президент Киргизии: Под видом исламской религии арабские страны пытаются навязать свою культуру. URL: <http://www.for.kg/news-249554-ru.html>

²¹ Там же.

²² План реализации концепции госполитики в религиозной сфере. URL: http://www.gezitter.org/society/34640_plan_realizatsii_kontseptsii_gospolitiki_v_religioznoy_sfere_kr_

²³ В Киргизии растёт количество религиозных радикалов и поднимают голову сексменьшинства. URL: http://rus.kg/news_rus/analytics_rus/13639-v-kirgizii-rastet-kolichestvo-religioznyh-radikalov-i-podnimayut-golovu-seksmenschinstva.html

воду возврата в страну боевиков, воюющих на территории ИГ в Сирии и Ираке. Это было одним из оснований для официальной поддержки президентом А. Атамбаевым российской военной операции в Сирии.

Ряд критиков религиозной политики в Киргизии (например, известный политолог А. Князев, изгнанный с территории этой страны) указывают, что нынешнее ужесточение давления в конкретных условиях клановой политики и при отсутствии образованных в религиозной сфере кадров у государства приводит к определенным негативным результатам. В частности, давлению подвергаются преимущественно узбеки на юге страны, что приводит к их радикализации. Кроме того, происходят странные эксцессы. Например, осенью 2015 г. имел место судебный процесс против имама, который призывал мусульман не ехать воевать за «ИГ». Судят же его за формальное употребление в речи слов «ИГ» и «джихад».

В целом власти Киргизии в последнее время серьезно интенсифицировали борьбу с религиозным экстремизмом и влиянием различного рода салафитских течений. Это — достаточно позитивная тенденция. Однако определенную озабоченность у экспертов вызывают эксцессы в борьбе с религиозным экстремизмом, особенно на юге, по отношению к узбекскому меньшинству. В перспективе это может вызвать ответную реакцию в виде ускорения радикализации среди этого меньшинства.

Туркмения

Туркмения также относится к числу государств, где происходит резкое обострение проблемы религиозного экстремизма. Это связано как с появлением в 2014–2015 гг. на туркмено-афганской границе (где живут туркменские племена) сил, связанных с «ИГ», так и (по ряду сообщений и экспертных оценок) с активизацией салафитской пропаганды внутри Туркмении. К сожалению, в силу закрытого характера этой страны какая-либо достоверная информация о внутритуркменской ситуации у международного сообщества отсутствует.

В Туркмении абсолютное большинство населения являются мусульманами-суннитами. Кроме туркмен, в стране проживают и другие народы, исповедующие ислам. Это в основном узбеки и казахи, а также небольшие группы мусульман-шиитов (около 120 тыс.), представленных преимущественно азербайджанцами и этническими персами. Туркмения, как и Казахстан, относится к тюркскому кочевому ареалу распространения ислама, для которого свойственна неортодоксальность, достаточно широкая свобода в соблюдении догматов религии, четкое разделение общественной жизни на светскую и религиозную сферу и невмешательство религии в политику

После обретения Туркменией независимости первый президент страны Сапармурат Ниязов взял за образец турецкий «кемалистский» вариант государственного устройства, сохраняющий светский характер власти. При этом Ниязов совершил хадж и всячески содействовал строительству новых мечетей. Принятая в 2008 г., уже при втором президенте Гурбангулы Бердымухамедове, новая редакция Конституции страны подтвердила формальный принцип отделения религиозных организаций от государства и гарантировала при этом равенство всех исповеданий (Ст. 12). Естественно, при этом доминирующая роль ислама (в его официальной трактовке) в жизни страны только расширяется. Ислам определяется в первую очередь как важная составляющая национальной и культурной идентичности. Исламская атрибутика присутствует как в государственной символике, так и в национальном быту, а дни основных религиозных праздников объявлены официально нерабочими днями.

Для контроля над религиозной деятельностью в стране с 1994 г. действует Совет по делам религий при президенте страны. Руководителями Совета (председателем и его заместителями) являются муфтий (глава мусульман) Туркмении, заместитель муфтия, благочинный (главный православный священник) Туркмении и один гражданский чиновник. В областях (велятах) при местных администрациях были образованы веляятские советы по делам религий, возглавляемые главными имамами областей. Все указанные выше религиозные руководители получают зарплату в качестве служащих государственных органов. Подобное огосударствление религиозных структур (ислама и православной церкви) создало очевидные предпосылки для нарушения принципа «свободы религий и вероисповеданий и их равенства перед законом», декларируемого в конституции Туркменистана (Ст. 12), и противоречит другой конституционной норме, согласно которой «религиозные организации отделены от государства и не могут выполнять государственных функций». В настоящее время высшие духовные лица двух тради-

ционных религий (ислама и православного христианства) обладают монопольным правом на формирование и осуществление государственной политики в отношении других конфессий, что является беспрецедентным для светского государства.

Проявлением давления государства на религию в период правления Туркменбаши было активное внедрение культа президента как «пророка» и культа «Рухнамы» как «священной книги туркмен». При Бердымухамедове эта практика прекратилась.

Усилиями государства в Туркмении активно строятся мечети, организуется обучение исламу в специальной школе и отделении теологии в университете, мусульманские праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам объявлены государственными, имамы мечетей получают зарплату из государственной казны. В Туркмении существует 133 православных прихода²⁴.

Различные эксперты и политологи указывают на то, что примерно до 2013–2014 гг., когда соответствующая проблема резко обострилась, Туркмении удавалось избежать появления на своей территории «ваххабитских» группировок и их агентов влияния. Это достигалось благодаря жесткому контролю со стороны властей и спецслужб, но также и вследствие того, что туркменская религиозная среда, ментальность народа не приемлют религиозный фундаментализм (вследствие наличия кочевой традиции). Как отмечал известный эксперт по Центральной Азии Алексей Малашенко: «Туркменский ислам всегда был аполитичен. Это то, что называется традиционным исламом, это ислам племен. Он всегда по всему миру был весьма пассивен, он был заиклен на обрядовой стороне, на семейной стороне и никогда не влезал в политику»²⁵.

Направлявшиеся в Туркмению экстремистской религиозной организацией «Хизб ут-Тахрир» эмиссары практически все потерпели фиаско, поскольку население крайне вяло отзывалось на их пропаганду, а нелегально ввозимая литература зачастую оказывалась невостребованной²⁶. Лишь в 2014–2015 гг. под влиянием обострения ситуации на туркменско-афганской границе в прессе стали появляться сообщения о резком росте религиозного экстремизма внутри страны.

Ситуация на границе Туркменистана довольно сильно обострилась в конце апреля 2015 г., когда в Афганистане талибы объявили о начале весеннего наступления на правительственные силы. На протяжении мая и июня регулярно поступали сообщения об ожесточенных боестолкновениях талибов с правительственными войсками Афганистана в граничащих с Туркменией провинциях Герат и Бадгис. При этом отмечалось существенное превосходство сил талибов над войсками официального Кабула. Интенсивные бои в этих провинциях в конце мая привели к увеличению потока афганских беженцев в направлении границы с Туркменистаном. Однако туркменские пограничники не пустили их в страну²⁷.

Среди проживающих в Афганистане возле границы с Туркменистаном туркмен много потомков басмачей, боровшихся против советской власти (именно в туркменских Каракумах басмаческое движение было наиболее продолжительным, а в ходе Второй мировой войны бежавшие в Афганистан басмачи даже установили контакты с немецкой военной разведкой, Абвером). В указанных районах Афганистана среди туркменских племен традиционно была высока поддержка Талибана, однако в последние год-два существенная часть этих туркмен неожиданно перешла на сторону «ИГ» (чему, по некоторым экспертным данным, способствовали активные иностранные финансовые вливания, возможно из Катара).

Что касается обстановки в туркменской армии, то несмотря на проводимые туркменскими властями реформы, реальное положение дел в этой сфере остается неудовлетворительным, и способность туркменской обороны эффективно реагировать на новые угрозы представляется сомнительной. Это наглядно проявилось в условиях обострившейся ситуации на туркмено-афганской границе²⁸. В 2015 г. к афганской границе, по данным оппозиционных источников, было переброшено до 70 % личного состава туркменской армии.

В стране ощущается предвоенная, мобилизационная атмосфера. Ужесточаются условия прохождения гражданами срочной военной службы. Из-за напряженной обстановки на границе с Афганистаном призывной возраст был увеличен до 30 лет (ранее 27 лет). Одновременно

²⁴ Бабаев М. Ислам в Туркменистане // Gündogar News. Аналитика. URL: http://gundogar-news.com/index.php?category_id=4&news_id=272

²⁵ Бобохонов Р. Ислам в постсоветской Туркмении // ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1393364520>

²⁶ Бабаев М. Ук. соч.

²⁷ Ситуация на туркменско-афганской границе накаляется. URL: <http://eadaily.com/news/2015/07/07/situaciya-na-turkemensko-afganskoj-granice-nakalyaetsya>

²⁸ Талибан создаёт новые угрозы на туркменско-афганской границе. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/14877-taliban-sozdaet-novye-ugrozy-na-turkmeno-afganskoj-granitse.html>

срок действительной военной службы для граждан с высшим образованием вырос с 1 года до 2 лет. Для предотвращения оттока лиц призывного возраста за границу миграционная и пограничная службы получили указание не выпускать их из страны. Каждому этрапскому (районному) отделу Минобороны поручено в два раза увеличить количество призывников и не допускать случаев предоставления отсрочки от призыва без объективных причин. Резервистам объявили о необходимости прохождения 40-дневных военных сборов²⁹.

В целом можно отметить, что ситуация с распространением экстремистских настроений в Туркменистане традиционно была достаточно благополучной. Однако в последние год-два она начала резко меняться под влиянием дестабилизации в соседнем Афганистане. Причем, именно на туркменско-афганской границе зафиксировано наибольшее на севере Афганистана проникновение «ИГ».

Узбекистан

Ситуация в Узбекистане в плане противостояния государства и экстремистских направлений ислама характеризуется существенными противоречиями. С одной стороны, Узбекистан является местом происхождения сильнейших в регионе экстремистских группировок, таких как Исламское движение Узбекистана (ИДУ). С другой стороны, мощные силовые структуры и общая репрессивная политика государства привели к тому, что деятельность религиозных экстремистов в стране находится под определенным контролем.

В Узбекистане в настоящее время, по официальным данным, зарегистрировано 2 225 религиозных организаций, 16 различных религиозных конфессий. Конституция Республики Узбекистан гарантирует право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой (Ст. 31 Конституции РУ)³⁰. Преобладающей религией в Узбекистане является ислам суннитского толка, который исповедуют 93 % населения страны, за исключением 1 % мусульман-шиитов, которые проживают на территории Бухары и Самарканда³¹.

Узбекское государство проводит политическую линию, суть которой заключается в том, что ислам является основной традиционной религией страны. Президент Узбекистана Ислам Каримов ещё в марте 1994 г. четко обозначил это в речи на заседании Бухарского областного совета депутатов. Он отметил: «Религия и верующие занимают важное место в общественной жизни. Наша политика в этом ясна и определена. Ислам — это священная вера наших предков. Благодаря ему наш народ сохранял в веках самого себя, свою духовность, богатое культурное наследие» [10, с. 196–197]. Базовые принципы государственной политики, касающейся религиозного вопроса, изложены в книге Ислама Каримова «Узбекистан на пороге XXI в.: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса». Он пишет, что во взаимоотношениях с религией государство Узбекистан, «являясь светским, придерживается следующих принципов: уважительное отношение к религиозным чувствам верующих; признание религиозных убеждений частным делом граждан или их объединений; гарантирование равных прав и недопустимость преследования граждан как исповедующих религиозные взгляды, так и не исповедующих их; необходимость поиска диалога с различными религиозными объединениями для использования их возможностей в целях духовного возрождения, утверждения общечеловеческих моральных ценностей; признание недопустимости использования религии в деструктивных целях» [11, с. 54].

Узбекистан (особенно входящая в это государство часть Ферганской долины) является основным очагом распространения исламского экстремизма в регионе. В связи с этим в стране ведётся активная борьба с Исламским движением Узбекистана (ИДУ), ныне переименованным в Исламское движение Туркестана (ИДТ), и другими радикальными группировками, которые предприняли несколько попыток развернуть вооруженные действия против правящего в стране режима. *Исламисты организовывали теракты (в Ташкенте и других городах), восстания (в Андижане), делали попытки вторгнуться на территорию Узбекистана через соседние страны («Баткенская война» в Киргизии).* Большие группы вооруженных узбекских экстремистов, тесно связанных с Аль-Каидой, базируются в соседнем Афганистане. В последнее время ИДТ, не-

²⁹ Талибан создаёт новые угрозы на туркменско-афганской границе. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/14877-taliban-sozdaet-novye-ugrozy-na-turkmeno-afganskoj-granitse.html>

³⁰ Узбекистан: информация о религиозности населения. URL: <http://www.advantour.com/rus/uzbekistan/religion.htm>

³¹ Там же.

сколько ослабленное вследствие внутренних расколов, пытается постепенно нарастить свой потенциал, сотрудничая, помимо талибов, с другими исламистскими группировками, действующими как в Афганистане, так и в Пакистане. В частности, ИДТ (в лице руководителя Усмана Гази) объявило о вхождении в состав «ИГ». Серьезные опасения узбекские спецслужбы высказывают и в связи с угрозой со стороны «ИГ» из Сирии и Ирака, где воюет большое количество выходцев из Узбекистана.

Сложность проблемы роста религиозного экстремизма в Узбекистане связана, в том числе, и с клановой политикой. В Узбекистане существует традиционное «разделение труда» между региональными кланами, которое характеризуется пословицей: «Самаркандец правит, ташкентец считает деньги, ферганец молится». Эта пословица подчеркивает особую роль ислама именно в Ферганской долине, а также факт того, что ключевые духовные лица в Узбекистане традиционно — из Ферганской долины. В ходе постсоветской эволюции политической системы страны к власти твердо пришли самаркандский (к нему относится сам президент) и ташкентский (он контролирует экономику) кланы. Поэтому ферганский клан, по мнению многих экспертов, традиционно использовал угрозу исламского экстремизма как способ повышения собственного влияния. Понимание этих внутриклановых «раскладов» очень важно в свете того, что после смерти президента Узбекистана Каримова идет процесс транзита власти, который может привести в перспективе 1-3 лет к резкому обострению межклановой борьбы. Этим, как считают эксперты, могут воспользоваться в своих интересах религиозные экстремисты.

В целом ситуация в религиозной сфере в Узбекистане в настоящее время находится под контролем властей. Однако перспективы сохранения стабильности в стране после ухода с политической арены Ислама Каримова являются достаточно неопределенными.

Казахстан

Казахстан является наиболее благополучной страной региона в плане угрозы распространения религиозного радикализма. Это объясняется следующими причинами: стабильным состоянием экономики (порядка двух третей ВВП стран Центральной Азии производится в Казахстане), достаточно высокой степенью модернизации общества в советский период, наличием большой прослойки русскоязычного населения, а также историческими традициями распространения ислама среди казахов.

В Казахстане, как в своё время отмечал бывший председатель Сената Оралбай Абдыкаримов, отношения государства и религии имеют свои особенности, связанные как с историческим прошлым страны, так и с проводимой в условиях суверенного развития внутренней политикой³². Особо он выделял традицию мирного сосуществования религий в казахстанских степях. Кочевая культура, по его мнению, оказала свое воздействие на ислам, выразившееся, в частности, в том, что в Казахстане долгое время, в отличие от соседних оседлых стран, не функционировали классические религиозные институты³³. Роль религии еще больше упала в советский период, когда активно шел процесс русификации и модернизации Казахстана.

Получение Казахстаном независимости сопровождалось комплексным реформированием всех сфер жизни общества. Молодое суверенное государство в корне изменило отношение к верующим, к религии в целом. В свое время, выступая на Ассамблее народов Казахстана, президент страны Нурсултан Назарбаев отметил, что без освобождения людей от повсеместного контроля власти, прежде всего в духовной сфере, никакой либерализации в обществе не будет³⁴. Конституция Республики Казахстан провозгласила государство светским. Это означало, что отношения государства и религии теперь строятся по совершенно новым принципам: 1) государство отделено от религии и религиозных объединений; 2) никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной; 3) государство и религия, не вмешиваясь в дела друг друга, в реальной жизни являются сосуществующими полноценными партнерами [12].

Государство проводило политику, которая создавала реальные возможности беспрепятственно выстраивать религиозную жизнь как отдельной личности, так и целых общин. Такая политика способствовала установлению отношений взаимной терпимости и уважения между

³² Казахстанская правда, № 232 (27506) 13.07.2003. URL: http://kp.kazpravda.kz/rus/politika/gosudarstvo_i_reliija.html

³³ Там же.

³⁴ Там же.

гражданами, а также между различными религиозными объединениями. В годы независимости усилился религиозный плюрализм. Возводились разнообразные культовые центры: церкви, мечети и другие религиозные сооружения. Согласно данным Агентства по делам религии, число религиозных объединений на 2013 г. составляло свыше 4 550 (против 670 в 1990 г.). В это число входили исламские, православные, католические и другие религиозные объединения [12].

В настоящее время ислам в Казахстане переживает возрождение, усилился его социально-политический престиж и авторитет. Но появились и негативные моменты. Возникло множество малочисленных религиозных групп, не всегда считающихся с законом. Общая численность таких групп в годы независимости в стране, по словам председателя Агентства РК по делам религий, достигла 579³⁵.

Критически важной с точки зрения распространения радикального ислама является ситуация в двух регионах. В Южном Казахстане, относившемся к «оседлой зоне», влияние исламских институтов в жизни общества традиционно было сильно. При этом процессы возрождения ислама в этом регионе стали сопровождаться и появлением «нетрадиционных» его форм, в частности салафизма. Еще более сложная ситуация в последние годы складывается в Западном Казахстане. Интенсивное промышленное освоение нефтегазовых запасов региона привело к тому, что он стал местом концентрации социально маргинализированных групп, особенно мигрантов (прежде всего, оралманов — этнических казахов, возвращающихся в Казахстан). В этой среде стали комфортно себя чувствовать радикальные исламистские группировки.

В Казахстане в последние годы стали появляться отдельные экстремистские группы, деятельность которых наносит ущерб национальной безопасности. В их числе «Хизб-ут Тахрир», различные организации «ваххабитского» толка, политико-исламские организации типа «Изги амал», «Казахстан мусулман одагы» и другие. Эти процессы обусловили серьезные изменения в области государственно-религиозных отношений. В частности, новый закон Казахстана «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» сформулировал принципы более жесткой государственной политики страны в сфере религиозных отношений, подразумевающей борьбу с радикальным исламизмом. На его основе в последнее время в Казахстане осуществляется регистрация и перерегистрация религиозных объединений.

В целом ситуация с распространением религиозного экстремизма в Казахстане вызывает наименьшие в регионе опасения. На данном этапе наибольшую озабоченность казахстанских спецслужб вызывает возвращение в страну боевиков, воюющих на стороне запрещенного в России «ИГ» в Сирии и Ираке. Среди экспертов, кроме того, высказываются опасения относительно возможности роста влияния религиозного экстремизма в случае, если транзит власти от первого президента Казахстана будет сопровождаться серьезными межклановыми конфликтами³⁶.

* * *

Особенности распространения религиозного экстремизма в странах региона связаны в значительной мере со спецификой исторического наследия (кочевая или оседлая историческая традиция, разная степень советской модернизации и русификации), а также с социально-экономической ситуацией в государствах и эффективностью деятельности местных силовых структур [3, с. 28–32]. В настоящее время борьба с религиозным экстремизмом осложняется «клановой политикой». Определенную угрозу «раздувания» социальной базы терроризма создают неумелые и непоследовательные действия самих властей по борьбе с религиозным экстремизмом (как это имеет место, в частности, в Таджикистане). Зачастую обвинения в религиозном экстремизме используются инструментально, для вытеснения конкурирующих групп или ущемления национальных меньшинств (пример: узбеки в Южной Киргизии). Кроме того, скрытое поощрение экстремистов может периодически использоваться отдельными клановыми группировками и для усиления своих позиций во власти (такие тенденции прослеживаются, в частности, в Ферганской долине в Узбекистане).

В настоящее время реальную угрозу представляет деятельность Исламского движения Туркестана (бывшее ИДУ), вошедшего в состав «ИГ», других приверженцев «ИГ», а также целого ряда других террористических группировок, традиционно связанных с Аль-Каедой. Несмотря

³⁵ Кайрат Лама Шариф: Малочисленные религиозные группы ожидают перемен. URL: <http://www.meta.kz/novosti/kazakhstan/587317-kayrat-lama-sharif-malochislennye-religioznye-gruppy-ozhidayut-peremen.html>

³⁶ Гусев Л. Ю. Борьба Центральноазиатских государств...

на активную работу государственных органов, деятельность в Центральной Азии таких религиозных групп (формально просвещенческих, но, по сути, способствующих радикализации ислама), как, например, «Хизб-ут-тахрир», пресечь не удалось. Радикальный ислам, как показывает международный опыт, в частности опыт ряда арабских стран (Сирия, Ирак, Ливия), способен в ограниченный отрезок времени серьезно дестабилизировать общество.

В целом можно констатировать, что к традиционной угрозе давления исламских экстремистов с афганского направления все шире прибавляется угроза давления со стороны «ИГ» из Сирии и Ирака.

В Таджикистане ситуация с потенциалом распространения религиозного экстремизма и, в том числе, даже проникновения «ИГ», является наиболее тревожной в регионе. Это связано прежде всего с острым социально-экономическим кризисом в стране. Одновременно наблюдаются явные эксцессы в антирелигиозной кампании и в кампании против умеренной исламистской оппозиции (ПИВТ).

Власти Киргизии, которая долгое время характеризовалась определенным «либерализмом» в данной сфере, в последнее время серьезно ужесточили борьбу с религиозным экстремизмом. Однако определенную озабоченность у экспертов вызывают «перегибы» в борьбе с религиозным экстремизмом, особенно, по отношению к узбекскому меньшинству на юге страны. Это может спровоцировать усиление радикализации данного меньшинства.

В Туркменистане ситуация с распространением экстремистских настроений в религиозной сфере традиционно была достаточно благополучной. Однако в 2014–2015 гг. она начала резко меняться под влиянием дестабилизации в соседнем Афганистане. Именно на туркменско-афганской границе зафиксировано наибольшее на севере Афганистана проникновение «ИГ». При этом потенциал туркменской армии и других силовых структур явно недостаточен для защиты страны, но официальный Ашхабад ни в коем случае не хочет отказываться от своего нейтрального статуса и воздерживается от сотрудничества с ОДКБ.

Ситуация в религиозной сфере в Узбекистане в настоящее время контролируется властями. Однако ухудшение социально-экономической ситуации и уход с политической арены Ислама Каримова создают в данной сфере серьезную угрозу.

Казахстан в плане отсутствия базы для распространения религиозного экстремизма является наиболее благополучной страной в Центральной Азии. Определенные проблемы, связанные с распространением экстремизма, есть лишь на юге и западе (прежде всего, среди мигрантов, в том числе этнических казахов, оралманов).

В связи с вышеизложенным странам Центральной Азии в складывающейся обстановке весьма важно, как представляется, уделить особое внимание нескольким первоочередным шагам в сфере отношений государства с религиозными организациями.

Прежде всего, государству следует выдвинуть свои собственные инициативы по возрождению ислама; всячески избегать эксцессов в борьбе с религиозным экстремизмом и не допускать «инструментального» использования такой борьбы в хорошо считаваемых обществом интересах «клановой политики».

Необходимо прекратить политику, направленную на подавление левых сил (например, в Таджикистане за пределами парламента в 2015 г. осталась не только ПИВТ, но и Коммунистическая партия). Левые силы могут составить одну из естественных противовесов радикальному исламу.

Желательно также создание условий для сотрудничества существующих структур гражданского общества с религиозными учреждениями, которое способствовало бы решению социально значимых проблем. В частности, одним из направлений такой деятельности может стать разработка механизмов сотрудничества государственных структур и религиозных учреждений по вопросам профилактики наркомании и алкоголизма.

Наконец, целесообразно уделить серьезное внимание изучению существующего международного опыта в вопросах подготовки кадров для религиозных учреждений. В этом плане интерес может представлять практика не только мусульманских государств, но и стран ЕС, которые в 2015 г. резко активизировали политику по борьбе с религиозным экстремизмом и начали (например, во Франции) активно поддерживать неэкстремистские направления ислама (зачастую их называют «евроисламом»).

Ряд мер, направленных на ослабление исламского радикализма в странах Центральной Азии, мог бы быть предпринят и российскими государственными структурами.

Так, Россия может увеличить количество слушателей, прибывающих из государств Цен-

тральной Азии для обучения в мусульманских учебных заведениях на нашей территории. Это создавало бы альтернативу влиянию арабских учебных заведений, деятельность которых часто ведет к росту экстремистских настроений. Кроме того, это способствовало бы укреплению российского влияния в регионе. С той же целью необходимо шире распространять публикуемую в России духовную литературу в мусульманских учреждениях центральноазиатских государств, передавать им программы обучения в российских мусульманских образовательных учреждениях.

Российским духовным деятелям важно пропагандировать опыт конструктивного взаимодействия различных религиозных конфессий в России в контактах с политическими, культурными и религиозными элитами стран Центральной Азии. Желательна организация периодических международных конференций и семинаров на эту тему. К соответствующим мероприятиям нужно широко привлекать молодых религиозных активистов из центральноазиатских стран.

Настоятельно необходимо усиливать работу по адаптации центральноазиатских мигрантов. Она должна вестись не только центральными властями, но и, прежде всего, властями региональными, особенно в таких крупных культурных центрах России, как Москва и Санкт-Петербург [15, с. 31–43].

Принимая во внимание рост религиозного экстремизма в исламском мире, необходимо усиливать упор на компонент обеспечения безопасности в политике России в Центральной Азии [17, р. 1073–1088]. В частности, надо активизировать обмен соответствующей информацией между спецслужбами в рамках ОДКБ и ШОС, активнее развивать международное сотрудничество со всеми государствами, борющимися с международным терроризмом, с целью создания широкой международной антитеррористической коалиции [5, с. 38–39].

Наконец, в условиях роста влияния радикального исламизма, в том числе среди молодежи, повышается актуальность проведения совместных мероприятий и медийных акций, направленных на популяризацию совместного прошлого России и стран Центральной Азии, в частности опыта общей борьбы с фашизмом в ходе Великой Отечественной войны [9, с. 100–113]. Это будет противостоять наблюдаемой сейчас тенденции в российской прессе, направленной на создание резко негативного имиджа представителей центральноазиатских народов (последнее вызывает возмущение и в среде трудовых мигрантов, способствует их исламской радикализации). Эти меры могут стать, в том числе, и механизмами продвижения «мягкой силы» России в Центральной Азии [2].

On the Growth of Islamic Radicalism in the States of Central Asia

Andrey Kazantsev, Doctor of Sci. (Political Science), Director
Analytical Center of the Institute of International Studies, MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: andrka@mail.ru

Summary

The paper analyzes the problem of the growth of Islamic radicalism in Central Asian states. It is noted that Islam, as a religious movement, began to spread on the territory of Central Asia at the end of VII - early VIII centuries. A clear distinction is noted between the heavily Islamized sedentary peoples (Uzbeks, Tajiks) and weakly Islamized nomadic peoples (Kazakhs, Kyrgyz, Turkmen). It is pointed out that this division is still true. It is said that the revival of political Islam in the most active form began in the second half of 1980 - the beginning of the 1990s, during perestroika and continues to the present. It is considered how this process takes place in some Central Asian countries. Conclusions and recommendations are given at the end of work.

Keywords: Central Asia, Islamic radicalism, political Islam, Islamic revival processes extremist groups.

Литература / References

1. Алексеева Т. А., Казанцев А. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ. Москва, 2012.
2. Беспалов С. В., Власов А. В., Голубцов П. В., Казанцев А. А., Караваяев А. В., Меркушев В. Н. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. — М.: Евразийская сеть поли-

- тических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2007.
3. *Боришполец К. П., Чернявский С. И.* Среднесрочный прогноз развития ситуации в регионе Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – М.: изд-во МГИМО-Университет, 2010. № 4.
 4. *Будкин В. С.* Государство и религия на постсоветском пространстве. URL: <http://gua.convdocs.org/docs/584/index-26252.html>
 5. *Гусев Л. Ю.* Основные направления политического и экономико-энергетического развития Казахстана: сборник статей. – Москва-Берлин: Изд. «Директ-Медиа», 2016.
 6. *Казанцев А. А.* Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба политических понятий // Полис. Политические исследования. 2001. № 5.
 7. *Казанцев А. А.* Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // Полис. Политические исследования. 2005. № 2.
 8. *Казанцев А. А.* Суверенная демократия: противоречия концепции // Политический журнал. 2007. № 7–8.
Казанцев А. А. Грамматика русской идеи, или как создавать новые идеологии в России // Полис. Политические исследования. 2010. № 3.
 9. *Казанцев А. А.* Грамматика русской идеи, или как создавать новые идеологии в России // Полис. Политические исследования. 2010. № 3.
 10. *Каримов И. А.* Экономические реформы: ответственный этап // Наша цель: свободная и процветающая Родина. Т. 2. – Ташкент: Узбекистан, 1996.
 11. *Каримов И. А.* Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // По пути безопасности и стабильного развития. Т. 6. –Ташкент: Узбекистан, 1998.
 12. *Лукпанов А. И.* Проблемы взаимодействия религии и политики в современном Казахстане. URL: <http://articlekz.com/article/8058>
 13. *Матвеева А.* Угроза исламизма постсоветской Евразии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4 (5).
 14. *Паршин П. Б.* Место и роль Горно-Бадахшанской автономной области в государственной системе Таджикистана // Международная аналитика. – М.: ИМИ МГИМО МИД РФ, 2016. Вып. 2 (16).
 15. *Сергеев В. М., Кузьмин А. С., Алексеенкова Е. С., Казанцев А. А.* Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей // Полис. Политические исследования. 2007. № 2.
 16. *Хайдаров Р.* Взаимодействие религии и государства в Таджикистане: проблемы и перспективы // Ислам в Содружестве Независимых Государств. 2012, № 2 (7). URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?4693>
 17. *Kazantsev A. A.* Russian policy in Central Asia and the Caspian Sea region // Europe-Asia Studies. 2008. Т. 60. № 6.